

**НОВЫЕ
ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ТАЙНЫ**

ЮЛИЯ
АДЕЙНИКОВА

ДАМА
С ГОРГУЛЬЕЙ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А45

Оформление серии А. Дурасова

В оформлении обложки использован городской пейзаж «Атланты Нового Эрмитажа» (2007 г.) художника *Олега Ильдюкова*

Алейникова, Юлия.

А45 Дама с горгульей / Юлия Алейникова. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Новые петербургские тайны).

ISBN 978-5-04-092172-0

В размеренную, тихую жизнь скромной преподавательницы математики Агриппины Начинкиной ворвалась трагедия — кто-то покушался на ее отца, всемогущего олигарха. К счастью, папа остался жив. Вместо него погиб другой человек. Но ведь не сама же свалилась с крыши дома статуя горгульи! Конечно, расследование — дело полиции. Ну, в крайнем случае, шефа департамента безопасности отцовского холдинга Артема Сокольского. Только Гриппа не может пустить все на самотек, лучше ее никто не разберется в этом деле. Ведь в том, что преступление совершил человек из близкого круга, сомнений нет. Кто же он? И когда ждать следующего покушения?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Алейникова Ю., 2018
© Ильдюков О.Е., иллюстрация, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-092172-0

ГЛАВА 1

Все гудело в доме, как в растревоженном улье. Елена Сергеевна Начинкина с сияющими глазами и покрасневшими щеками порхала по дому, сея повсюду хаос и разжигая и без того тлеющее в прислуге раздражение. Сегодня вечером у хозяйки дома намечался большой прием. Феерический, грандиозный, как и все прочие ее начинания. Елена Сергеевна пылала и искрилась от переполнявшего ее предвкушения. Все должно быть идеально, безупречно, восхитительно! Восторженные восклицания то и дело слетали с ее уст, изящные тонкие руки взлетали, словно крылышки колибри, указывая и направляя.

За нею, этим воздушным, восторженным созданием, облаченным в невесомый бледно-розовый пеньюар, украшенный пеной кружев, следовала, будто тень, сухая, плоская фигура, скучно-серая, угловатая, со скрипучим, бесцветным голосом, словно олицетворяя собой антитезу хозяйки дома. Это была ее карающая длань, домоправительница Чеслава Зиновьевна Червякова, которую подчиненные за «приятность» характера и манеру держаться «ласково» прозвали Чесоткой.

Сегодня был знаменательный для семейства олигарха Начинкина день — день рождения самого Вольдемара Сигизмундовича, совмещенный Еленой Сергеевной с новосельем. Конечно, ей не очень-то нравилось объединять два праздника в один, но олигарх Начинкин не выносил толпы посторонних в доме, а праздника ужасно хотелось. Поэтому пришлось напрягать фантазию, выкладываться из последних сил, дабы сделать его незабываемым. И поскольку лист календаря едва закрыл собой надпись «Хэллоуин», Еленой Сергеевной было принято смелое решение превратить торжество в бал-маскарад.

Хозяйка дома была натурой яркой, артистической, утонченной, одаренной изысканной фантазией, страстной и пылкой. Она была бывшей балериной. В молодые годы Елена Сергеевна блистала под сводами Мариинки, тогда еще прозывавшейся театром оперы и балета им. Кирова. Выступала хоть и не в главных партиях, но все же в сольных и, возможно, достигла бы большего, но тут ее заметил и за собой увлек Вольдемар Сигизмундович Начинкин. Юная балерина, будучи натурой цельной, не смогла разрываться между репетициями, спектаклями, уроками классического танца и глубоким, ярким, как пламя Прометея, чувством к супругу, светскими раутами, поездками в Париж, отдыхом на Мальдивах и бурным шопингом, поэтому спустя два года со дня бракосочетания покинула сцену, полностью посвятив себя семье. Об этой жертве она нередко в дальнейшем напоминала Вольдемару Сигизмун-

довичу в особенно острые моменты их семейной жизни.

В это хлопотливое позднее утро глава семейства отсиживался у себя в кабинете, совершенно безучастный к готовящемуся торжеству. В офис его сегодня не пустили. Елена Сергеевна, зная нелюбовь мужа к подобным торжествам, опасалась, что он вовсе не появится на празднике, а потому предпринимала меры. И в западном крыле дома, где располагался хозяйский кабинет, сейчас царили тишина и покой, все двери туда были плотно прикрыты. Но это был единственный уголок мира и спокойствия в огромном доме.

Госпожа Начинкина смерчем пролетела парадную анфиладу, раздала тысячу противоречивых указаний прислуге и, оставив свою серую тень, своего цербера бдеть недремлющим оком за приготовлениями к маскараду, легко вспорхнула по лестнице на второй этаж. Тут ее хорошенькое, еще не потерявшее естественной прелести личико вытянулось и утратило беззаботное сияние, украшавшее его все утро. Потому что она увидела, что посредине верхней площадки, как изваяние пушкинского Командора, стоит ее свекровь.

Галина Станиславовна Начинкина не любила невестку. В том плане, что не испытывала к ней любви. Но и ненависти к Елене Сергеевне родительница олигарха также не питала. Просто не могла воспринимать ее всерьез. Вот уже четверть века ее сын был женат на этой легкомысленной особе, а Галине Станиславовне, вопреки всякой логике,

до сих пор казалось, что у сына мимолетное увлечение. Вот первую свою невестку она не любила по-настоящему, крепко. Так крепко, что до сих пор с трудом держала лицо в ее присутствии. А балерина... Ну как можно всерьез воспринимать женщину размером с чихуа-хуа и с фигурой двенадцатилетней девочки, которая целыми днями машет ногами в своей комнате, по каждому пустяку закатывает истерики, носит нелепые попугайские наряды и устраивает в мужнин день рождения маскарад в стиле графа Дракулы?

Да, да, представьте себе, глупышка составила список возможных масок, среди которых фигурировали такие персонажи, как Генрих Восьмой, Екатерина Медичи, Малюта Скуратов, Дарья Салтыкова, Нерон и Калигула, фея Моргана и прочие в том же духе! Сама собиралась предстать на этом шабаше в образе единственного светлого ангела среди сборища темных сил, а несчастного Вольдемара Сигизмундовича, своего супруга, обрядить не кем иным, как именно графом Дракулой.

Естественно, Галина Станиславовна от участия в таком безобразии отказалась. Ей, как заслуженному российскому педагогу с сорокапятилетним стажем, даже смотреть на подобное не пристало.

Но посмотреть, если честно, хотелось. И Галина Станиславовна, движимая любопытством, решила спуститься вниз, чтобы взглянуть на придумки невестки, неумемной в своем стремлении придать новому особняку Начинкиных соответствующий, по ее мнению, вид. Как будто и так недостаточно!

Ведь эта любительница дешевой театральщины при строительстве скопировала знаменитый киевский Дом с химерами архитектора Городецкого, нынешнюю резиденцию украинского президента. Облицованный серым камнем фасад особняка щедро украшали горгульи, химеры, слоны, носороги, жабы, змеи, уродливые карлы, тритоны и прочая фауна. Утешало лишь то, что киевский собрат их нового фамильного монстра считался признанным памятником архитектуры стиля модерн.

Так вот, движимая любопытством Галина Станиславовна самым прозаическим образом столкнулась на лестнице с невесткой. Признавать свои слабости Галина Станиславовна не любила, тем более она, педагог с сорокапятилетним стажем, не привыкла публично терять лицо, а потому тут же недовольно поджала губы и с высокомерным осуждением воззрилась на милое создание в розовом пеньюаре, с завидной легкостью на одном дыхании одолевшее парадную мраморную лестницу.

— Ой! Галина Станиславовна! Вы вниз? — засююкала растерявшаяся Елена Сергеевна.

Образ свекрови вызывал в ней если не страх, то определенный трепет. Бывшая балерина считала ее бесчувственной сушеной воблой, а в сердцах, в узком кругу подруг, называла родительницу мужа не иначе как «наша училка». Вообще-то причин для жалоб на Галину Станиславовну у нее было немного, но как приятно, сладко всхлипнув, пожаловаться на тиранию свекрови и встретить ответный хор полных сочувствия и понимания голосов.

— Да. Хотела узнать у тебя, в котором часу ожидаются гости, и предупредить Чеславу, что я ужинаю у себя, — чопорно ответила «королева-мать».

— Она уже в курсе, я ее предупредила. Галиночка Станиславовна, может, все-таки поужинаете с нами? Можете без костюма. Все же у Волика день рождения! — зашебетала Елена Сергеевна, в душе надеявшаяся на твердый отказ.

— Елена, я уважаемый человек, педагог с почти пятидесятилетним стажем, среди моих бывших учеников есть профессора и академики. Так неужели ты думаешь, я стану участвовать в твоём балагане? — строго сдвинув седые, выщипанные в ниточку брови, спросила Галина Станиславовна. — Лучше ответь мне, Агриппина придет?

— Ну, разумеется.

— Как появится, скажи ей, пусть зайдет ко мне. И непременно до праздника.

Агриппина Начинкина стояла в хвосте длинной пробки, вытянувшейся разноцветной гусеницей вдоль всей набережной. Была пятница, часы показывали начало пятого, за окном моросил мелкий серый дождик, впереди ее ожидал мучительный вечер в кругу малознакомых людей, при полной невозможности покинуть вечеринку до самого ее финала. А учитывая размах обычных маменькиных праздников, долгожданный финал наступит часов в пять утра. Агриппина положила подбородок на руль и почувствовала себя невинно осужденной, всходящей на эшафот. Впрочем, те, наверное, меньше

страдали, поскольку сами выбирали собственную участь. Ее же судьбу предопределило рождение.

Конечно, многие из нынешних знакомых девушки посчитали бы ее жалобы пустым капризом избалованной особы. Но что они знают об изнанке ее жизни? Ничего! Богатые родители и дом — полная чаша еще никому не гарантировали счастья. Ей вообще часто казалось, что аист, разносивший младенцев в ночь ее рождения, чего-то там напудил и принес Агриппину не по адресу. А иначе как можно объяснить ее духовное сиротство в кругу семьи?

Вы хоть представляете, какво это жить на свете, когда все, даже собственное имя ранит тебя, стоит кому-то из окружающих обратиться к тебе? Вот Агриппина представляла.

Ее экзальтированная мамочка, с восторгом ожидавшая рождения дочери, мечтала вырастить из крошки великую балерину и после долгих раздумий выбрала ей соответствующее будущему имя — Агриппина, в честь великой, непревзойденной Агриппины Вагановой, гениального педагога и хореографа, чье имя с гордостью носит Академия русского балета, храм искусства, в котором Елена Сергеевна Начинкина, в девичестве Воробьева, провела лучшие годы детства и юности. Не учла счастливая мать лишь нелепого сочетания имени, отчества и фамилии, стараниями родственников доставшихся несчастной малютке, — Агриппина Вольдемаровна Начинкина звучало как издевка. Не говоря уже об уменьшительно-ласкательных вариантах имени

«Агриппина», из которых «Гриппа» было не худшим вариантом, хотя и звучало скорее как диагноз.

В довершение всего девочка оказалась совершенно бездарной в отношении хореографии и артистической карьеры. Она с детства не любила танцевать, была неуклюжей, немзыкальной, всячески сопротивлялась любым попыткам развить в ней якобы глубоко спрятанные таланты, ненавидела публичность, болезненно стеснялась гостей и, естественно, с треском провалила вступительные экзамены в академию, несмотря на многочисленные занятия с дорогими репетиторами и старания матери. После чего окончательно осознала свою полную несостоятельность и отправилась учиться в обычную гимназию с математическим уклоном.

Итак, ни артистизма, ни тонкости натуры в девочке не просматривалось. Мать была разочарована. Но и другие родственники не находили в малютке никаких особых талантов и дарований. Бабушка Галина Станиславовна, проработавшая всю жизнь учителем словесности в средней школе, страстная почитательница пушкинского таланта, мечтавшая в душе о Пушкинском доме, научных трудах и литературных вечерах, обнаружила во внучке полное равнодушие к поэзии в частности и к литературе вообще. Отец, Вольдемар Сигизмундович, был слишком занят, чтобы уделять дочери много внимания, но все же успел убедиться, что в ней нет задатков лидера, от природы она наделена весьма скромными амбициями, и никаких грандиозных свершений

от юной Агриппины больше не ожидал, предоставив ей возможность развиваться естественно.

Хорошая, а скорее даже отличная успеваемость Гриппы в школьных науках впечатления на родственников не производила. Да и на саму девочку тоже. Ибо она, будучи человеком неглупым, вслед за родственниками была вынуждена признать себя личностью заурядной, принять это как данность и жить дальше. Единственное, что ее мучило, это попытки родственников вытащить ее на свет из спасительной уютной тени, а также вызывающая оригинальность собственного имени, совершенно не сочетающаяся с такой серой личностью и, следовательно, вносящая дисгармонию в существование этой самой личности.

Гриппа с отличием окончила гимназию, поступила в университет на математико-механический факультет, окончила его с отличием, поступила в аспирантуру и готовилась в ближайшее время с блеском защитить диссертацию, став кандидатом наук. Название Гриппино научного труда ни один из ее родственников повторить не смог бы, но, впрочем, никто и не пытался. После защиты Гриппа мечтала остаться работать преподавателем на родной кафедре. Все это воспринималось родными с умеренным равнодушием. Для них девушка была прежней серой мышкой, замкнутым и бесталанным человеком, прячущимся в мире скучных цифр, таких же скучных, как и она сама.

Едва окончив университет, Гриппа сбежала из семьи в купленную отцом однокомнатную квар-

тиру, причем, по ее требованию, в обычном доме. Родители были в шоке от подобного требования и долго сопротивлялись, пытались поселить в роскошные апартаменты в клубном доме на Крестовском острове. Но Гриппа твердо стояла на своем и в итоге въехала в выбранную ею самой квартиру в недавно возведенном здании поблизости от университета, в Петергофе.

Ремонт в квартире делала мама, но это уже было чепухой. Гриппе купили скромный «Опель Астру» рядового серебристого цвета, и девушка зажила новой жизнью, мечтая о собственной зарплате и о полной и окончательной независимости от семьи. И все у нее стало налаживаться. У Гриппы появились друзья, ничего не знавшие о масштабах благосостояния ее родственников, милые, обычные люди, среди которых девушка чувствовала себя уютно и комфортно. Она училась жить как все и была почти счастлива. Огорчали ее лишь регулярные семейные торжества, избежать посещения которых не было никакой возможности.

Одним из таких, в котором никак нельзя не принимать участие, должен стать сегодняшней праздник.

Ладно, уговаривала себя Гриппа, главное — продержаться до полуночи, а там можно тихонько сбежать наверх. К тому же мать говорила о каком-то маскараде. Если повезет, маска будет неброской и полностью ее скроет. О костюме, в который придется облачиться, Гриппа имела весьма смутное представление, ибо выбирала его, конечно, мамочка. И, естественно, с прицелом.

Два года назад родительница Гриппы поставила перед собой нелегкую задачу — выдать любимое, но неказистое чадо замуж. Пристроить, чтоб голова уже не болела. На саму Агриппину мама в этом вопросе не надеялась. И, в общем-то, правильно. Потому что Гриппа близких отношений с противоположным полом отродясь не имела, зато имела массу комплексов на сей счет. Хотя с давних лет у нее был дежурный поклонник, запасной вариант на крайний случай — сын папиного зама Илья Тиховлиз. Тот долгие годы ухаживал за Гриппой важно и обстоятельно, с дальним прицелом. Сама же девушка совершенно не питала по его поводу никаких иллюзий. Илья, как и его папочка, был напрочь лишен сантиментов, зато хорошо считал деньги, то есть просчитывал выгоды. А быть предметом торга или ступенью в чем-то карьерном росте Агриппина считала для себя унижительным, а потому не выносила Илью, брезговала его ухаживаниями. Да и все семейство Тиховлизов, если честно признаться, не жаловала, поскольку его члены, как близкие семье Начинкиных люди, были свидетелями всех ее мучительных фиаско.

И вот сейчас от мыслей о неизбежной встрече с дежурным женихом и предстоящем унижении остатки хорошего настроения покинули Гриппу, а по ее щекам скатились две крупных соленых слезы.

Нина Андреевна Тиховлиз вела свой «Мерседес» уверенной, не по-женски твердой рукой. Такой же твердой рукой дама вела по жизни свое семейство. Справа от нее на пассажирском сиденье сидел су-